

ции, наряду с распространением грамотности и постепенной заменой средневековой эмблематичности изображений на информативность надписей.

Феномен городской эмблематической среды в визуальной культуре Средневековья и раннего Нового времени заставляет спрашивать: в чём смысл существования городского *эмблематического пространства*? В том, что оно было логичным, органичным и экономичным ответом на необходимость визуальной коммуникации как социальной потребности в условиях городского социума. Поэтому обретение гербов населением города стало частью общего процесса становления визуальной культуры европейского Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартоло ди Сассоферрато*. О знаках и гербах. Вступ. статья, перевод А.П. Черных / Б. ди Сассоферрато // Средние века. Вып. 52. – М., 1989. – 314 с.

2. *Левинсон К.А.* Бюрократия немецкого города XVI–XVII вв.: опыт исторической антропологии и бюрократии / К.А. Левинсон. – М., 2000. – С. 71–77.

3. *A New Dictionary of Heraldry* / Ed. by S. Friair. – London, 1987. P. 223–224.

4. *Crosby S. McKnight*. Mason's Marks at Saint-Denis // *Mÿlanges offerts a Renÿ Crozet a l'occasion de son soixante-dixième anniversaire*. Vol. 1–2. – Poitiers, 1966. Pt. 2. – P. 714–717.

5. *Valera Diego de*. Tratado de las armas (Tratado de los rieptos e desafhos) // *Biblioteca de Autores Espacoles*. T. 116. Prosistas castellanos del siglo XV. – Madrid, 1959. – P. 135.

О. А. ШТАЙН

*кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, Екатеринбург
shtaynshtayn@gmail.com*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУКТИВИЗМА ЕКАТЕРИНБУРГА

Аннотация. Становление «прозрачной» архитектуры диктует горожскому жителю новые формы визуальной коммуникации. Типичный топос обитания городского жителя формирует его биографию, отношение и ориентиры.

Прозрачные стены и стеклянные ряды окон больших городов просвечивают человека рентгеновской машиной власти.

Ключевые слова: город, топос, медиа, визуальная коммуникация, идеология, конструктивизм.

Мне кажется теперь, я так никогда и не освободился
от тоски по удивительному лесу рядом с нашим домом,
в который я убежал от отца чуть ли не раньше,
чем научился ходить.

З. Фрейд

Город вступал в коммуникацию с человеком по образу и подобию его. Псковский Кремль называли «детинцем», который опоясывали кольца укрепления как пять каменных стен – «ремни верности» на животе города. Каменная стена Персия – «грудь» в народе встречается через распространенные выражения «встречать грудью», «принять на грудь». Захаб – «рукав» или «кишка», в которую загоняли врага и обливали горячей водой, нечистотами и помоями. Городскому или церковному колоколу могли вырвать язык, оторвать уши. Враги, вступившие на псковскую землю, колокол прилюдно били плетью и заточили в темницу. Вторжение и взятие города как девственницы.

Как-то Браха Эттингер Лихтенберг [10] сказала, что мы летаем самолетами, ездим поездами по максимально выпрямленным маршрутам и дорогам для того, чтобы ходить по кривым улицам. Часто в самих кривых улочках никто не живет, это буффонада, интерьер, презентация. Где же сам городской житель? Как его именовать, индивид, субъект, турист, путешественник, местный житель?

В XX веке понятие в гуманитарной литературе появилось понятие «субъектность». С одной стороны, обезличенное и бесполое понятие, с другой стороны – многоликое и многополое, даже не могу применить слово «двуполое», этого недостаточно.

Медиамаассы, медиаокопы, медиатолпы приводят нас к утверждению М. Хайдеггера, что «субъект безмирен» [8]. Безмирный и безмерный субъект разворачивается в многомерное изображение и пространство. Схлопывание пространства и времени внутри медиа размывает субъектность. Происходит своего рода расщепление личности или города, когда аккаунт больше не соперник персоны, а карнавальный, построенный для туристов исторический квартал больше не соперник жилому городу со спальными районами и молами.

Типика стала топикой, типичностью в пространственном и биографическом топосе. Коллективный топос был открыт для власти. Прозрачные стены и стеклянные ряды окон в больших городах просвечивают человека наподобие рентгена. Просвечивание в аэропортах и станциях метро, видеокамеры в

супер и гипермаркетах, культурных центрах, музеях, частных дворах. В каждом городе постсоветского пространства встречаются дома творчества, построенные из стекла и бетона. Нет более серой субстанции, чем бетон и на какой станции можно выйти из мчащегося поезда современной субъективности (субстанция как субъективная станция)? Даже творчество лишается потаенной скрытой внутренней вулканической энергии и извергается вовне.

Мы обустроиваем свое жилье, дворы, улицы, городские парки и природные ландшафты, ставя свою подпись или печать. Дэвид Бирн в «Записках велосипедиста» наблюдает разницу в методах освоения земли у европейцев и американцев: «отношение европейцев к собственно ландшафтам состоит в том, чтобы вдумчиво привести континент в порядок. Американцы же предпочитают захватывать земли силой: замостить большие площадки или насадить долгие мили какой-то одной культурой (пшеницей, например)» [3, с. 56]. Абсолютная идея упорядочивания. Рассказ Бирна о Берлине называется «Ностальгия по грязи» [3, с. 54]: чистые и аккуратные поля и дороги, леса и сады: «Европа сделала себе маникюр» [3, с. 55].

Город для большинства современных людей становится проводником, медиа ценностей политики и традиции. Провинциальный городок, областная столица или мегаполис с типичными кварталами построек. «Уродливые новостройки, – пишет Д. Бирн, – невзрачных многоквартирных домов из бетона с лёгкостью стирают здания и кварталы XIX века с «очевидным характером». Весь мир наполнили дома-бункеры, бездушные спальные микрорайоны, мертвенно-скучные офисные здания» [3, с. 94]. Они не имеют расы, национальности, происхождения, у них нет коллективного бессознательного, но всё взывает к коллективному, минуя архетипы. «Клеточная память» стирается, также как и память индивидуальная. «Каждый растрескавшийся бетонный монстр в странах третьего мира, – продолжает Бирн, – прикрывается оправданием в лице «интернационального» стиля» [3, с. 95].

Промежуток «интер» стал тем остатком, когда вычитал из целого норму Дж. Агамбен [1]. Расщелина, трещина, расщеп, «интер», «между», «меж» и, наконец «транс» стали показателями качественно новых явлений. Культура заполнилась междисциплинарным подходом, ультикультурализмом, трансгуманизмом, а также трансплантациями, трансляциями, трансфобиями, трансидентичностями, транссексуальностью, трансвеститами, трансгендером и прочими трансформациями. Вечный процесс установления бесформенности. Нет формы, нет образа, а безобразное становится безобразным.

Прекрасные города превращаются в лабиринты серых костяшек с прорезами для окон. Предполагал ли Корбюзье, что законы строительства больших городов настолько прочно осядут в пяти отправных точках современной архитектуры: 1) столбы или колонны, поднимающие фундамент («дом на ножках»); 2) плоская крыша (функциональное использование её пространства для террасы или спортивной площадки); 3) свободная планировка; 4) длин-

ные горизонтальные окна; 5) свободная композиция фасада (стекло, к примеру). Интересно, что человек, который «переделывал лицо мира» [7, с. 44], себе выстроил уютный деревянный домик-хижину, состоящий из двух помещений: рабочий стол и спальня. Домик с видом на залив был похож на панцирь краба. Большинство людей живет в новой архитектуре с железобетонным каркасом, гигантскими поверхностями стекла, свободными пространствами первого этажа.

Наряду с именем Ле Корбюзье хочется вспомнить еще одно революционное архитектурное имя Виктора Груэн, который в 1956 г. возвел первый в мире торговый центр в Эдине, пригороде Миннеаполиса. Даже если речь о застройках, нежели об архитектуре, это событие для истории города.

Стандартные застройки не только отражают, но и формирует наше сознание. Кажется, что современный человек стирает историю, память и символически заявляет о своей свободе. Так, Энди Уорхолл, вторя Д.Бирну, в «Америке» говорит: «Я всю жизнь думал, что хочу надгробие вообще без подписей. Ни эпитафии, ни имени. Точнее, я бы хотел такую надпись – «вымысел» [5, с. 129].

Города пишут историю не только именами улиц, памятными табличками на домах: «Здесь жил» или «Дом образцового состояния», но и стилем застройки. План застройки не всегда равнозначен архитектуре, но сегодня я хочу рассказать о городе конструктивизма. В Екатеринбурге более 100 построек в стиле конструктивизма, что не только пишет портрет лица города, но и задает характер коммуникации между людьми.

Вот что писал В. В. Маяковский:

У этого города
Нету традиций,
Бульвара, дворца,
Фонтана и неги.
У нас на глазах
Городище родится
Из воли Урала,
Труда и энергии.

Конструктивизм – вдохновение русского авангарда, идеология строительства нового политического режима, нового человека. Необходимо было строить экономично, быстро, дешево и технологично. Идеологии буржуазного быта и роскоши противопоставлялась простота и подчеркнутый утилитаризм, олицетворяющий демократичность. Железобетонные конструкции, воздух, свет, ленточные окна (звучит как ленточные черви) – вот основа конструктивизма.

Идея дома-коммуны породила в Екатеринбурге Городок чекистов, Городок юстиции, Дом старых большевиков, Первый дом Горсовета, Второй дом Горсовета, Третий дом Горсовета (архитектор С. В. Домбровой), Дом контор,

в которых комплекс зданий соединял жилые корпуса с административными. Расцвела новая эстетика чистых объемов, функциональной геометрии.

Дом чекистов в самом центре города, до сих пор считается элитным жильем (даты постройки 1929–1936 гг., архитекторы И. П. Антонов, В. Д. Соколов, А. М. Тумбасов). Дом расположен так, что с вертолетной точки зрения образует серп, молот и развевающиеся знамена. Символика новой власти устанавливается в повседневном сознании через конструктивизм. В Екатеринбурге построен «дом-корабль», «дом-трактор», «дом-самолет».

Дом физической культуры «Динамо» выстроен в образе корабля, причалившего к берегу реки Исеть. Эркер – нос корабля, радиоантенны – мачты, балконы фасадов – спасательные шлюпки.

Шедевр конструктивистского промышленного сооружения в Екатеринбурге – водонапорная башня (Белая башня), построенная по проекту М. В. Рейшера в 1929 г. для снабжения завода и жилого района «Уралмаш» водой. Визуально массивный объем громадного бака (в 1929 г. по размеру превышающего объем аналогичной башни в Чикаго на 50–70 кубометров, общая емкость 700 кубометров воды) опирается на три железобетонные опоры. Светлая цилиндрическая форма как бы оторвалась от земли и выглядит легко и красиво.

Другой пример промышленного сооружения в стиле конструктивизма – завод низковольтной аппаратуры УЭМК, 1931 г. постройки, представляет из себя Храм света и труда: стеклянные корпуса, столовые, цеха.

Тектоническая чистота, очищение, стряхивание с ног «старого мира» привлекала романтично настроенных архитекторов с Запада. Например, ряд архитекторов из Германии школы БАУХАУЗа, приехали строить Советскую республику. Одним из них был Бел Шефлер, архитектор современного градообразующего завода Уралмаш. Принял советское гражданство, вступил в ВКП(б) и был расстрелян по подозрению в шпионаже в 1942 г. Трагическое предательство истории.

Функциональность построек проявлялась в неприемлемых для современного человека границах. Так, Дом молодежи (архитектор Г. И. Беянных) совмещает в себе зрительный зал, плавательный бассейн, лекционные аудитории и кружковые комнаты. «Просто, конструктивно и нарядно», – пишет в газете «Вечерний Свердловск» в рубрике «60 лет с именем Свердлова» архитектор Н. Алещенко [2, с. 6]. В «Чертах новой архитектуры» он отмечает «планаризм, строгость, слитность пространства, геометрию стандарта индустриальных конструкций» [2, с. 6].

«Общественные здания, определяющие индивидуальность лица улиц и площадей, являются отдельными узловыми точками в теле города», – продолжает в статье Н. Алещенко. Он всё сказал верно, даже выразился, что целью застройки Свердловска является создание «качественно нового пространственного организма». Улицы создают кровеносную систему города.

Что может сказать о городе его кардиограмма? Тектоническая чистота архитектурного стиля стирает коллективную память.

Интересно, что сам Архитектурный институт в Свердловске (Архитектурная академия в Екатеринбурге) – место культовое. Её выпускники составили ядро свердловского рок-клуба, который в 2016 году отметил свое 30-летие. Вячеслав Бутусов, Глеб и Вадим Самойловы, Владимир Шахрин и Владимир Бегунов, – имена, определившие настроение страны в переходный период. Свободные, готовые сломать любые ограничения и перестать быть «скованными одной цепью, связанными одной целью».

3. Фрейд в 1899 г. в работе «О воспоминаниях детства и покрывающих воспоминаниях» мог сказать: «Мне кажется теперь, я так никогда и не освободился от тоски по удивительному лесу рядом с нашим домом, в который я убежал от отца чуть ли не раньше, чем научился ходить» [6]. В какой лес будут убегать наши дети, живущие в густо застроенных городах, чтобы прятать воспоминания, годами стирающиеся безликими бетонными блоками и отражающимися стеклами окон современных домов?

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Ното сасег. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Европа, 2011. – 224 с.
2. Алещенко Н. Черты новой архитектуры / Н. Алещенко // Вечерний Свердловск, 1984, № 155 от 06.07.1984. – С. 5–6.
3. Бирн Д. Записки велосипедиста / Д. Бирн. – М.: Проект, 2013. – 264 с.
4. Емельянов В. Стиль и эпоха. Архитектура и строительство в Свердловске. Архитектура СССР / В. Емельянов, 1939. – 188 с.
5. Уорхолл Э. Америка / Э. Уорхолл. – М.: Ад Маргинем, 2012. – 280 с.
6. Фрейд З. О воспоминаниях детства и покрывающих воспоминаниях – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freyd/psih4.php (дата обращения: 24.09.2016)
7. Чуднецкая А. Что придумал Ле Корбюзье / А. Чуднецкая. – М.: Арт-Волхонка, 2012. – 142 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 396 с.
9. Штиглиц М.С. Промышленная архитектура / М.С. Штиглиц. – СПб, 1996. – 312 с.
10. Эттингер Б.Л. Пост памяти. Современное искусство в традиционном музее / Б.Л. Эттингер // Журнал «Кабинет Омега». – СПб, 2013. – 516 с.